

Хорен Саркисян

Новая армянская поэзия на рубеже XIX и XX столетий

(Из материалов армянской декады)

Армянская поэзия 80—90-ых годов прошлого века и первых двух десятилетий нашего века выросла на той почве, которая была подготовлена поэзией 60-ых годов.

60-ые годы в истории армянского народа характеризуются бурным ростом национального самосознания, мечтаниями об обновленной жизни, надеждами политической свободы.

Это были годы, когда Микаел Налбандян, окрыленный идеей русской крестьянской революции,—которая должна была дать освобождение и армянскому народу,—написал свою знаменитую „Песню свободы“, где в сгущенной форме поэзии дал всю философию многовековой истории армянского народа—неукротимое стремление к независимой жизни.

Это были годы страстной поэзии Рафаела Патканяна. Патканян—поэт великой любви к родному народу и великой ненависти к его врагам. В этой любви и ненависти Патканян неумолим. Его поэзия сурово-назидаящая и гневно-обличающая. Беспощаден Патканян к господствующим классам армянского общества: он разоблачает их яростно. Но в силе Патканяна подмечается слабость, в его ярости—беспомощность: разоблачая господствующие классы, Патканян одновременно опирается на них в деле освобождения армянского народа. Отсюда—наряду с силой—бессилие и надломленность его поэзии.

В эти годы творили Шахазиз, Пешикташлян, Дурян. Дурян лирик, в каждом слове которого чувствуется трепет его души. Он умер 20-и лет от туберкулеза, написав всего тридцать—сорок стихотворений. Его поэзия—это вопль, короткий, но душераздирающий крик обреченного и вместе с тем безгранично любящего жизнь человека. Все человеческие чувства и страсти огненной вереницей проходят по его сознанию: любовь и ненависть, надежда и разочарование, угроза и мольба, возмущение и жалоба, проклятие и раскаяние—и все они запечатлеваются в стихах легких и изысканных. Поэзия Дуряна означает полное освобождение личности от сковывающих его пут основанного на эксплуатации общества.

Однако же, как ни человечна поэзия Дуряна, как ни велики достижения поэзии Пешикташляна, Патканяна, Шахазиза,—в твор-

честве этих поэтов нет еще подлинно народного духа, нет еще народной психологии; творчество этих поэтов еще не достаточно оплодотворилось богатствами народной словесности.

Первый поэт новой армянской поэзии, в творчестве которого народ непосредственно присутствует, который широко воспользовался мотивами народного творчества, в частности народной песни, — Иоаннес Иоаннисян.

Иоаннес Иоаннисян родился в 1864 году в Вагаршапате, близ Еревана. Среднее и высшее образование он получил в Москве, в Лазаревском институте и на историко-филологическом факультете Московского университета. Иоаннес Иоаннисян был прекрасным знатоком русского языка, русской литературы и культуры. Писать начал с юношеских лет; первый сборник его стихотворений вышел в 1887 г. в Москве. Свою жизнь — по окончании образования — Иоаннес Иоаннисян провел в основном в родном Вагаршапате, занимаясь преподаванием русского языка и литературы в Эчмиадзинской духовной академии, а также в Баку и Ереване. Иоаннисян умер в 1929 г.

Еще Микаел Налбандян, размышляя в Петропавловской крепости о судьбах армянского народа и о путях его дальнейшего культурного развития, писал в 1864-ом году о необходимости обратить сугубое внимание на фольклор, на устную словесность, чем армянский народ особенно богат.

Десятилетием позже, в 1873—74-ом году, был впервые записан и издан первый вариант „Давида Сасунского“. После этого началось усиленное собирание, издание и изучение как эпоса, так и вообще всей совокупности армянской народной словесности — сказок, песен и т. д.

В этом широком интересе к народному творчеству поэзия приняла участие в том смысле, что она, — в лице Иоаннеса Иоаннисяна — соприкоснувшись с сокровищницей устно-художественных созданий народа, черпала оттуда силу и вдохновение.

Араз течет, волной бия,
Волной в утес крутой бия.
Где схороню свою тоску,
О землю головой бия?

В этих строках или в следующих:

Снег засыпал все пути, —
Ни проехать, ни пройти!
Ах, раскройся, Алагез,
К моей милой пропусти

— дан весь ритм народной песни, ее задушевность, простота, безыскусственность. Поэт томится любовью — в этом томлении и тоска и смутное ожидание радости. Эти и подобные песни Иоаннисяна — отчасти переложенные на музыку — пользуются огромной популярностью в ар-

мянском народе и подчас воспринимаются как чисто народные. Достойная награда поэту!

Но в творчестве Иоаннисяна фигурируют не только любовные мотивы народной песни. В „Сельской церкви“ конкретными образами он дает картину угнетения деревенского люда.

В стихотворении „Зерно“ поэт дает всю крепость армянского крестьянина:

С тобой свое горе я сею, зерно!
Но бог поведит и ты встанешь опять:
Умрет под землей только горе одно,
А ты возвратишься меня утешать.
Но если в грехах я погряз без конца
И милости нет мне,—я в море тогда
Весь пот обранию трудового лица,
Чтоб жажды не знало зерно никогда!

Последние строки в особенности характерны: в них воплощены, во-первых, подлинно-народный образ, а во-вторых — безграничное упорство и энергия армянского крестьянина. Это, строго говоря, образ всего армянского народа, твердого и трудолюбивого, в течение тысячелетий преодолевшего тысячи препятствий и невзгод.

Не взирая на минорный тон своих стихотворений — от зноя средневековых армянских поэтов у Иоаннисяна ничего нет, у него только воздыхания — наш поэт отличается оптимизмом, когда речь, в особенности, заходит о родном народе:

Но нет, ты не умрешь! Я верю в обновление;
Оно должно притти,—оно к тебе придет!
Во мраке вековом горит звезда спасенья!
Проснися, близок час, о родина, он ждет!

В стихотворении „Рождение Ваагна“ этот оптимизм — уже языческая бодрость, бурная жизнерадостность, светлое творение:

Бурного моря пурпурный прибой
Ходит, и хлещет, и берег разит.
Юноша реет над ним огневой,
Огневой пасти разверстой грозит.
Ветры, не дуйте! Родился Ваагн!
Волн не бичуйте!... И взвился Ваагн:
Конь под Ваагном — крылатый огонь!
Гривой взмахнул — и в поднебесье конь!

Ваагн — бог древнеармянской мифологии. Историк V века Моисей Хоренский оставил потомству прекрасную народную песню о нем, которую и обработал Иоаннисян, — творческое соприкосновение с чудесными народными сказаниями дало свой первый и зрелый плод!

Поэтической практикой Иоаннисяна обработка народных сказаний делается неотъемлемым достоянием армянской словесности.

Тонкое и чуткое чувство природы у Иоаннисяна находится в самой тесной связи с его использованием народных мотивов.

Лучшей иллюстрацией этого является стихотворение Иоаннисяна, посвященное родине. Вот первые две строфы этого стихотворения:

Ты видал ли холмов золотые ряды,
Где весна бесконечно наш радует взгляд,
Где невянущей зеленью дышат сады
И где зреет янтарный в кистях виноград?

Ты видал ли родные луга и поля,
Где гвоздика, где лилия ярко цветет,
Где купается в радостном солнце земля,
Где извечною негой согрет небосвод?

После Патканяна и Шахазиза творчество Иоаннисяна внесло, несомненно, свежую струю в восточно-армянскую поэзию. Иоаннисян проложил путь к сокровищнице народного творчества. Поэтом, который последовал за ним и для которого необозримое море народных словесных созданий было подлинной творческой средой,—таким поэтом оказался Ованес Туманян.

Ованес Туманян родился в 1869 г. в Лори, в деревне Дсех, ныне Туманян. Лори—сказочно-красивый уголок Армении. Туманян учился в родной деревне, а также в Тбилиси, в семинарии Нерсисян, которой он не окончил.

Основными источниками обширных познаний Туманяна были его глубокое знание народа и непрерывное общение с ним, его острая и вдумчивая наблюдательность, наконец, чтение по всем отраслям науки и литературы. Подобно древнегреческим мудрецам, Туманян высоко ценил беседу, живую беседу с человеком, будь то неграмотный, но полный жизненного опыта крестьянин, или интеллектуально высокоразвитый интеллигент. Беседа для Туманяна была орудием спокойного и безмятежного разыскания истины, жизненной правды и наслаждением этой правдой.

Писать Туманян начал 10—12-и лет, печататься—в начале 90-ых годов, несколькими годами позже Иоаннеса Иоаннисяна. Первые два сборника его стихотворений вышли в Москве, в 1891 и 1892 гг.

Туманян стоял в центре литературно-общественной жизни Тбилиси. Он стоял во главе литературного содружества „Вернатун“, которое объединяло передовых армянских писателей и поэтов конца XIX и начала XX столетий—Газароса Агаяна, Аветика Исаакяна, Дереника Демирчяна. Он был инициатором и организатором Кавказского общества армянских писателей, которое объединило более обширный круг тружеников пера и интенсивно работало в особенности в годы империалистической войны. Туманян поддерживал самую тес-

ную связь с грузинскими литературно-общественными кругами. Он был символом объединения и мирного, братского сожительства народов Закавказья—грузин, азербайджанцев, армян. Туманян был одним из первых армянских интеллигентов, который нутром постиг сущность советской власти, его глубочайшую народность, приветствовал установление советской власти в Армении и работал для нее.

Туманян умер в Москве, в 1923 году.

Тесная, органическая связь с народом является самой характерной чертой личности и творчества Туманяна. О сказителях он говорит следующее: „Каждый из них является музеем легенд, преданий, древних народных верований. Вот где находится источник армянской литературы, вот где должен утолять свою жажду армянский поэт, армянский романист, армянский писатель для того, чтобы возмужать“.

Туманян утолял свою жажду именно из этого животворящего источника народной словесности и, подобно Давиду Сасунскому, набрался богатырской силы и творческой мощи. Деревцо Иоаннисяна разрослось у Туманяна в густую рощу.

Туманян обработал основную часть, сердцевину армянского эпоса „Давид Сасунский“, именно ветвь о самом Давиде, о его борьбе с Мсра Меликом, где он, оставаясь верным духу эпоса, на литературном, с легким уклоном к диалекту языке—что как раз соответствует сущности эпоса—дал законченный и реальный образ народного богатыря, наивного и простосердечного, но умного, миролюбивого, но воинственного, отважного защитника страны, демократа, свободолюбивого национального героя, который вобрал в себя все прекрасные качества своих предков—Санасара и львараздирающего Мгера—и высоко развил их.

Туманян обработал и довел до высокого художественного совершенства десятки легенд, в которых народ-хлебопашец, проводящий свой трудовой день то в темных ущельях, то на светлых вершинах гор издавна, с незапамятных времен привык передавать окружающей его величественной природе свою радость и горе, искать в ней объяснения человеческих страданий, запечатлевать в ней свою судьбу.

В легенде „Погос и Петрос“ Туманян описывает судьбу двух сирот, которые—чтобы избавиться от преследований злой мачехи—превращаются в птиц. В заунывной переключке лесных птиц слышна трагедия гонимого человека. Криком птицы символизируются горькие, плачевные моменты человеческого существования, символизацией отрыва природы как бы разрешаются недоумения человека, успокаивается его взволнованная душа.

Человеческое стремление к истине, правде, справедливости, искание „неугасимого огня“ нашло свое отражение в дивной легенде о гибели мотыльков, кружащихся вокруг огня: это—отважные витязи, которые

... селятся приблизиться,
чтоб овладеть огнем.

И дечно приближаются,
И вечно гибнут в нем.

А прекрасное, горное озеро Парвана—не что иное, как застывшие слезы девушки, пролитые в мечтаниях о большой и неизбывной любви, в мечтаниях и ожидании осуществления на земле жизненной правды.

Народ—а вслед за ним и его поэт, Ованес Туманян, непрерывно стучатся в великие ворота природы, непрерывно вопрошают ее, чтобы осмыслить человека и его чаяния, чтобы объяснить окружающий его социальный мир с его неурядицами.

Вслед за легендами Туманян обработал—главным образом в прозе—большое количество армянских народных сказок. В своих сказках Туманян рассказывает о силе добра и наказуемости зла, о конечном восторжествовании справедливости на земле и гибели неправды, о стремлении народных масс к равенству и жадности царей, о смекалке и праведности, бесхитростности и простодушии простолюдина, бездушной эксплуатации и тупости сильных мира сего. Туманян описывает, как в борьбе с дэвами природа ежегодно возрождается и как это возрождение отражается радостью в душе человека. Туманян описывает превращения, метаморфозы человека и как в основе этих превращений лежит внутреннее преобразование человека, его преображение. В своих сказках Туманян возбуждает десятки морально-философских вопросов, в „Храбром Назаре“ и „Царе Чахчахе“ Туманян занят проблемой власти в классовом обществе. Все эти проблемы, даже самые большие свои обобщения, глубочайшие основы своего мировоззрения—широкое, свободное, радостное восприятие жизни—Туманян передает в поразительно доступной форме. Примером может послужить сказка о бедном сапожнике Гасане, жившем в дни Гарун-Аль-Рашида. Эта доступность, простота, ясность, сжатость, художественная завершенность являются основными достоинствами сказок Туманяна.

Однако, Туманян не ограничился одной разработкой эпоса, легенд и сказок. Прекрасное знание современной ему армянской деревни, тяжелой ее жизни, ее нужд, непрерывный и живой интерес к ней—все это, в конечном счете, не могло не претвориться в его сознании в законченные художественные фразы и образы. Эти образы воплотились в его поэмах и рассказах.

И „Маро“, и „Лорийский Сако“, вскрывая отрицательные, оттачивающие стороны армянской деревни, трогают читателя своим глубоко сочувственным отношением к человеку, к его несчастью. Но, конечно, самая замечательная поэма Туманяна—это „Ануш“.

Ни в одной поэме Туманяна—как и других армянских поэтов—народная жизнь с ее светлыми и темными сторонами не дана с такой исчерпывающей и художественной полнотой, как в „Ануш“. Художественное миропонимание армянского народа нашло здесь полное

свое отражение. Идиллия горной деревенской жизни, горных пастбищ и покрытых цветами полей воспроизведена ярко и красочно. Все—язык, ритм стихов, образы—все это находится в полном согласии с содержанием поэмы. Самые глубокие мысли и чувства Туманян выражает, довольствуясь окружающей обстановкой, довольствуясь народным словом, народным эпитетом и сравнением:

„О чем, родная, плачешь ты.
Тоскуешь ты—о чем?
И для кого ты рвешь цветы
В ущельях—день за днем?

Ты плачешь—роз весенних ждешь?
Для роз настанет май!..
Иль ты о милом слезы льешь?
Ушел он в дальний край...

Его из плена никакой
Мольбой не воротить!..
Зачем напрасных слез рекой
Огонь очей гасить?

Зеленый холм его польет,
Оплачет дождь весной.
Тебя ж другой любимый ждет,
Таков закон земной“.

На фоне величественного горного пейзажа Туманян в „Ануш“ дал облик армянской патриархальной деревни с осуждением ее отсталых обычаев, „адатов“, и глубоким сочувствием к двум любящим существам, Ануш и Саро, эмоциональность и трагизм образов которых даны с предельной ясностью.

Глубоким сочувствием к обездоленному, обиженному человеку проникнуты не только поэмы Туманяна, но и его рассказы, все его творчество. В „Гикоре“ он дал трогательный образ деревенского мальчика, который погибает в сутолоке города, приехав туда в поисках заработка. Той же человечностью дышат рассказы Туманяна, посвященные жизни животных. В этих произведениях реализм Туманяна, пластичность его образов доходит до осязательности, до осязательности, в них каждой фразой завоевывается какой-то отрывок действительности, как его закон, его правило.

Замечательным документом гуманизма Туманяна, но отнюдь не пацифизма, является также его известная сказка „Капля меда“ с ее острой сатирой на деспотическую власть.

Сочувствие к человеку, к его превратной судьбе, к его горю—характерная черта творчества Туманяна. Туманян подлинный гуманист, и эта его любовь к обездоленному, к угнетенному также исхо-

дит от народа, ее корни также скрываются в толщах народного сознания.

Гуманизм Туманяна был тем ключом, который дал ему возможность вскрыть сущность Октябрьской революции, глубоко понять значение советской власти для пострадавшего за годы империалистической войны армянского народа.

Туманян, быть может, несколько наивно, но мудро—как то подобает истинному сыну народа—был поражен, между прочим, символом советской власти и рассуждал, что если хищник—лев или орел со своими когтями заменены мирными символами труда—серпом и молотом, то ясно, что в них воплощено нечто новое, непривычное, но глубоко справедливое отношение к человеку и миру.

Тот же гуманизм дал возможность Туманяну постигнуть смысл первой русской революции. Еще задолго до 1905 года в своей поэме „Стенание“ он с большой симпатией описал крестьянский бунт против царских чиновников, а легенду „Царь и чарчи“ (коробейник) он заканчивает следующими словами:

Покуда есть раб и покуда есть шах—
От жизни лихой не уйти никуда,
Всегда будут властвовать горе и страх,
Неправда, насилие, лишения, беда...

Документом первостепенной важности является следующий отрывок из письма Туманяна к одному из своих друзей—письмо написано в 1906 году: „Воистину, вряд ли когда-либо было побоище, столь безобразное, столь отвратительное, столь несправедливое и чудовищное, как армяно-татарское побоище. Быть может, в доисторические времена, когда люди пожирали друг друга. Этим низким и бесчеловечным побоищем мы абсолютно остались в стороне от великой освободительной борьбы России“.

Последней страницей глубокой книги творчества Туманяна являются его четверостишия. В них поэт подводит итоги своего долголетнего и богатого жизненного опыта и созидательного труда.

Поэт спокоен, безмятежен. Внизу,—говорится в стихотворении „Перевал“,—в глубокой мгле он покинул почет, богатство, зависть, злорадство, все то, что гнетет свободный дух. Он—жизнерадостный мудрец, печаль которого претворяется в радость и восторг, когда он обзревает мир в его целостности и вечности:

Горе глубже, безбрежней морей,
И полно оно сотней ключей.
Дышит гнев мой, любовь затая,
Светит звездами полночь моя.

Особенно остро поэт сознает свое единство со вселенной, с бытием. О невыразимое, единое, говорит он, обращаясь к существу, ты

объединяешь всех в одной жизни, ты невидимо, извечно пылаешь во всякой твари, в этом мире все свободны тобою, все в тебе, о бессмертное, бесконечное, все воспевают тебя твоей же песней.

Поэту хочется слиться с сущим, не сознать себя, быть со всеми. Я претерпел тысячи превращений, говорит он, форма—преходящая игра. Я был, есмь и буду вечно, я всегда с великой душой вселенной—и не все ли равно сейчас мне существовать или на тысячи лет, на тысячи веков раньше или позже?

Вся жизнь и творчество Туманяна—великая беседа. беседа с человеком, с природой, со звездами, с горами и долами, с лесным зверем и небесной птицей. Четверостишия—его последняя беседа со всем миром:

В стране армян, как великан, стоит Масис могучий;
С владыкой сил мой дух вступил в беседу там, на круче.
С тех дней, когда меж „нет“ и „да“ была темна граница,
Из века в век, чей вечен бег, беседа эта длится.

На своем веку поэт видел много горя, много человеческого страдания. Но оптимизм никогда не покидал его, оптимизм, который он получил в дар от родного народа. Вселенная—великое благо и человек властелин этого блага—вот то мироощущение, которым пронизано все его творчество, начиная от сказки „Пес и кот“, написанной в отроческие годы, и кончая самым глубоким, самым зрелым из его четверостиший, написанных в последние годы жизни поэта, когда неизлечимая болезнь гасила его солнечный дух. Туманян целен и народен с начала до конца.

Творчество другого поэта, Аветика Исаакяна—подобно творчеству Ованеса Туманяна—тоже уходит вглубь народного художественного сознания и мировоззрения, но имеет несколько иную судьбу.

Аветик Исаакян родился в 1875 г. в Ленинакане (бывший Александрополь). Учился он в Эчмиадзине, а затем за границей, где, в Германии и Швейцарии, долгие годы изучал философию, биологические науки, антропологию, всемирную литературу. Для интеллектуального облика Исаакяна весьма характерна его большая начитанность, пытливый, жадно доглагощающий знание ум, умение разобраться во всех вопросах науки, философии и искусства.

Печататься Исаакян начал почти одновременно с Туманяном—в начале 90-ых годов. Первый его сборник стихов—„Песни и раны“—вышел в 1898 году.

Исаакян творит и ныне—полный энергии и сил. В конце 1940 г. советская общественность Армении с большим подъемом отпраздновала 65-летие со дня рождения своего поэта, которым она по праву гордится.

Исаакян—глубокий лирик. Ни один армянский поэт не воспевал с такой силой и проникновенностью любовь человека, его эмоцио-

нальный мир, как Исаакян. Основными мотивами звездной поэзии Саят-Новы являются страсть к возлюбленной и боль, причиненная ею. Средневековые поэты в стихах, одетые роскошью природы, воспевают блаженство любви. Исаакян воспекает любовь во всей ее разносторонности, во всем ее разнообразии, во всех ее изгибах и тонкостях.

В стихах, легких до прозрачности и гармоничных, навеянных народными мотивами и вдумчивой горной природой родного края, в миниатюрных балладах, журчащих, как горные ручейки, Исаакян, сам очарованный своей поэзией, рассказывает о безграничной силе любви, о том, как молодой, влюбленный в русалку рыбак бросается за нею в пучину озера, как царевич, пораженный красотой лесной девицы, оставляет ради нее все—власть, богатство и славу, как дева, с жестокой, как камень, душой, от любви к молодому рыцарю преображается и душа ее делается нежной, как лепесток розы.

Но любовь не только преображает душу человека, человек из-за любви не только жертвует всем, ради любви он не только идет на смерть. Любовью преодолевается сама смерть.

В прекрасной лирической поэме „Вечная любовь“ Исаакян рассказывает, как пышные хоромы Тадмор (Пальмира) давно уже превратились в развалины и покрылись желтой вуалью пустыни, как давно уже превратился в скелет владелец хором Эль-Саман,—но он все продолжает костлявой рукой крепко обнимать свою возлюбленную, неслышным звуком шептать ей слова вечной любви. Эль-Саман любит даже в смертном сне.

Любовь Исаакяна отнюдь не замыкается в узкие субъективные рамки, не топчется на месте. Переступив порог любви к женщине, она разливается по всему миру, покоря одну его область за другой.

С несравненным лиризмом Исаакян разработал тему любви к матери:

От родимой страны удалился
Я, изгнанник, без крова и сна,
С милой матерью я разлучился,
Бедный странник, лишился я сна.

С гор вы, пестрые птицы, летите,
Не пришлось ли вам мать повстречать?
Ветерки, вы с морей шелестите,
Не послала ль привета мне мать?

Ни один армянский писатель так задушевно не рассказал о своей любви к матери, как Исаакян.

В балладе „Сердце матери“ Исаакян описывает, как сын убивает свою мать, как несет он сердце матери своей любовнице и как, споткнувшись, он слышит заботливый вопрос материнского сердца: не больно ли тебе, о сын мой?

У Исаакяна благородный облик матери отнюдь не замыкается в ее великодушие к сыну. От сына это великодушие и любовь переходит ко всему страждущему человечеству:

У огня сидит моя старая мать,
Тихонько с ребенком моим грустит,
Сладко-сладко спокойно дремлет дитя,
И мать моя молча молитву творит.

„Пусть прежде всех поможет господь
Всем дальним странникам, всем больным,
Пусть после всех поможет господь
Тебе, мой бедный изгнанник, мой сын“.

Характерно, что именно устами своей матери, молитвой Исаакян провозглашает великий принцип гуманизма. Тот же самый принцип, как мы видели, Туманян в „Капле меда“ провозгласил на основе описания развертывания событий, описания войны,—правда, в сказочном плане, но близко отражающем реальность. У обоих поэтов истоки одни—народ, но у одного творчество преимущественно лирического характера, у другого—эпического.

У Исаакяна любовь к матери и материнская любовь разрастаются не только в любовь ко всему человечеству, но и в любовь к своей родине.

Исаакян готов иметь тысячу и одну жизнь, чтобы тысячу посвятить родине, а последней воспеть час ее освобождения. Любовь Исаакяна к родине столь же непосредственна и искренна, сколь непосредственна и искренна его любовь к человеку и ко всему сущему. Поэту бесконечно близки родная природа, родные скалы и воды, родной язык и легенды. Для Исаакяна народ—вечная категория. В стихотворении „В Равешне“ Исаакян говорит, что века, как мгновение, прошли по седой вершине Арарата, тысячи молний ударились об его алмаз, тысячи поколений смотрели на его светлый купол. Ныне—поэт обращается к самому себе—настал твой черед: посмотри и ты на его гордый лик—и пройди. Да, все это пройдет, но останется Арарат, армянский народ, который еще роскошней обставит свою вековую, уже осуществившуюся мечту. Такова вера Исаакяна.

Все свои излияния и эмоции, тончайшие оттенки их Исаакян передает образами, насыщенными природой. Природа всевластно присутствует во всем творчестве Исаакяна, она безгранично близка поэту, он ее чувствует с редкой глубиной. Но природа никогда не теряет своей самостоятельности в поэзии Исаакяна. Она гармонично разстилается перед чувствующим человеком—величественная, незблемая. В этом одна из существенных особенностей творчества Исаакяна.

Лирика Исаакяна своей любовью обнимает все—человека, родину, природу, мир. Она гуманистична с начала до конца. Со скорбью

и возмущением видит поэт, как последний кусок хлеба вырывают у бедняка, как в жизненной борьбе все точат нож друг против друга, как глубоко страдает его народ под пятой султана и царя. Социальные мотивы искони были близки Исаакяну, и в самом названии его первой книги „Песни и раны“ „раны“ означают именно социальные раны, раны народа. Все, что исходило от родного народа, было близко Исаакяну—и его воздыхания и его сказания.

Одной из особенностей творчества Исаакяна является его близость к Востоку. Никто так глубоко не постиг безбрежность пустыни и навесные ею солнечные грезы, как Исаакян. Редко кому удавалось с такою глубиной постичь своеобразную мудрость Востока. Исаакяну известны тайны эдема, он конкретно, как сегодняшний день, представляет себе предков армян, покоривших широкими своими луками древний халдский народ.

Самое замечательное произведение Исаакяна, посвященное Востоку,—это, конечно, „Абул Ала Маари“. Поэзия пустыни и каравана, палящего солнца и бубенцов дана здесь с неповторимой силой. Безграничная любовь к природе, его обожествление находит в этой поэме свое законченное выражение:

Салам тебе, Солнце, шюкр без конца, материнское лоно,
бессмертная мать,

Только ты есть добро, милосердно лишь ты,
лишь тебе вся любовь! Свят, свят, свят, благодать!

.....
Тебя я люблю! Тебя я люблю! Жги, язви, опаляй меня средь
пустынь,

Палящей любовью меня обласкай и золото косм мне
на душу кинь!

— этими словами славословит Исаакян солнце, во властелине природы он олицетворяет все свои мечтания, от солнца он ожидает спасения. Экстатическое, полное забвения шествие Абул Ала Маари к солнцу—это упование справедливой человеческой жизни, грезы о светлом будущем.

Но „Абул Ала Маари“ этим не исчерпывается. „Абул Ала Маари“ принадлежит к той половине творчества Исаакяна, которую Валерий Брюсов назвал „рефлексивной“. Недовольный современной ему буржуазной действительностью, критикуя ее, Исаакян, вместе с грязной водой, выплеснул из ванны также ребенка: не принимая буржуазной законности, он отрицает вообще всякую законность, не признавая буржуазного понимания родины, он отрицает вообще идею родины, одним словом, он отрицает все то, что сам лелеял долгие годы и что является основой его мировоззрения: родину, друга и т. д. В этом блестящем по форме произведении отразилось влияние на Исаакяна символизма и некоторых других, чуждых народно-творческому облику поэта умонастроений.

Освободителем Исаакяна из этого своеобразного плена был не кто иной, как тот же самый народ. Именно победное шествие российского рабочего класса, Октябрьская революция, торжество советских, подлинно-демократических принципов в государственной и культурной жизни были причиной того, что Исаакян вновь сосредоточил свое творчески-напряженное внимание на народном художественном сознании. И там, в глубинах этого вечно-клокочущего сознания поэт нашел новый образ, образ, вполне соответствующий новым его переживаниям. Это—образ огненного Мгера, которого Исаакян воплотил в последней своей поэме „Мгер из Сасуна“, Мгера страстотерпца, Мгера труженика и народолюбца, Мгера рыцаря, который уже вырвался из пещеры и во главе народных масс и вместе с ними:

Злой разрушили мир,
И строй трудовой утвердили в миру,
Строй люда простого, закона и прав...

Глубоко национальным и народно-героическим образом Мгера принцип народности окончательно восторжествовал в творчестве Исаакяна.

Творческое сознание Исаакяна, взволнованное беспокойным образом Мгера, не успокоилось, и ему мерещится, в его воображении постепенно претворяется в плоть и кровь другой образ—образ Ленина. Армянский народ продолжает слагать эпос и в наши дни: великих руководителей и вождей народов, Ленина и Сталина, он воспринимает как национальных героев. И не кто иной, как именно Исаакян посвятил Сталину—выражая чувства и мысли своего народа—следующие слова:

Ты поднял истории грозный, карающий меч
Над всеми неправдами мира, над скорбной землей.
Пламенным словом своим ты сумел зажечь
В сердцах народов священный огонь боевой.

Подобно Туманяну, Исаакян не только первоклассный поэт, но и первоклассный прозаик. У него не мало рассказов, новелл, стихотворений в прозе. Вот уж тридцать слишком лет как он работает над одним большим прозаическим произведением—„Уста Каро“ (Мастер Каро). Из этого произведения нам пока что известны только отдельные главы и отрывки, но и то, что известно, дает нам возможность обрисовать облик самого Уста Каро.

Герой Исаакяна—подлинный сын народа, прекрасный мастер, художник своего дела. Каро—остроумный собеседник, у него обширная память, он овладел всей мудростью народа, замечательный знаток народных сказок, пословиц и загадок. Беседа для него—основное орудие познания. Он философ и созерцатель, чуткий, несколько беспечный, но внимательный к людям человек. Он любит роскошь и

расточителен, добрыми глазами смотрит на весь мир, как бы обнимая его, он весел и жизнерадостен с легким налетом грусти, бесконечно любит человека и дружбу, поэт в душе и в жизни. Уста Каро—образ, в котором торжествуют начала широкого, безбрежного восприятия мира, в основе которого лежит глубочайшее убеждение о сущем, как о благе.

В своем творчестве Туманян и Исаакян воплотили все то, что было глубокого, благородного, мудрого в веками накопленном духовном богатстве армянского народа. Не забывая условность всякой терминологии, скажем, что один из них, именно Туманян, творил в плане эпическом, разворачывая события, хоть и весь мир он рассматривал как страницу своей души, другой — Исаакян — творил в плане лирическом, разворачывая сознание, хоть и это сознание полностью насыщено бытием.

Туманян и Исаакян одинаково правильно, но с разных сторон раскрыли духовную сущность армянского народа, взлеты его мысли и фантазии, умение его проникнуть в суть вещей. Народность и реализм осуществляются в их произведениях, как закон, как организующее, создающее начало. Известные слова Александра Блока, что „поэт Исаакян—первоклассный, может быть, такого светлого и непосредственного таланта во всей Европе нет“—следует толковать именно в этом смысле, и они—по своей сути—применимы не только к Исаакяну, но и к Туманяну.

В своем замечательном очерке об армянской поэзии Валерий Брюсов, как известно, подчеркнул ее „единство на протяжении веков“. Единство армянской поэзии—и вообще армянской литературы и искусства—проявляется в том, что, не взирая на тысячи влияний своих многочисленных, друг друга сменяющих соседей, она, сохранив полную свою самостоятельность, всегда, при всех обстоятельствах выражала одну основную мысль и стремление—неукротимое, ни перед чем неостанавливающееся стремление к свободе.

Ованес Туманян говорит, что на него наибольшее воздействие оказали Пушкин и Лермонтов. Это, конечно, не означает, что поэзия Туманяна тем самым перестает уходить своими корнями в самую глубь психологии армянского народа. Это означает, что, восприняв то великое и родное, что он нашел в Пушкине и Лермонтове, Туманян с неповторимой силой воплотил в своих образах духовную сущность армянского народа. Приблизительно то же случилось с поэзией Теряна.

Ваан Терян родился в 1885 г. Учился в Лазаревском институте, а затем на историко-филологическом факультете Московского университета. Переехав из Москвы в Петроград, Терян слушал лекции на восточном факультете Петроградского университета, изучал древнеармянский, грузинский, персидский и арабский языки, был учеником акад. Марра. В эпоху первой революции Терян увлекался марксизмом, а в 1917—1918 годах мы его видим уже в рядах РКП(б).

Терян заведывал армянским отделом в Комиссариате по Национальностям и работал под непосредственным руководством товарища Сталина. Умер в 1920 г. в Оренбурге.

Первая книга стихов Теряна „Грезы сумерек“ вышла в 1903 г., вторая—в 1912 г. Этими двумя книгами характеризуется символистический период творчества Теряна.

Непривлекательной и холодной представляется поэту действительность. Он уходит в себя, замыкается в своем внутреннем мире. Он весь живет своими сновидениями, которые уводят его в какой-то сказочный мир с неопределенными, расплывчатыми очертаниями. Этот мир убаюкивает его, наводит на него дрему, явь ступается. Из внешнего мира поэт воспринимает лишь то, что углубляет его грезы—синюю даль, грустные сумерки, золотую осень. Поэт ненавидит день, потому что он криклив, слишком ясен и осязателен. Поэт ненавидит также ночь, потому что мягкость вечера она заменяет определенностью тьмы. Поэт лелеет мечту о сказочной девице, которая успокоит его измученную душу. Он весь во власти своих мечтаний.

Поэзия Туманяна и Исаакяна питалась из гигантского резервуара действительности, народного творчества. В произведениях обоих поэтов—все переливы, все краски, все богатства родного края. У обоих поэтов образы, глубокие сравнения, поэтические открытия расточительно следуют друг за другом—и они так обогащают их поэтический рисунок, что специальная, заостренная отделка слова и стиха отходит на второй план.

Несколько иной характер носит творчество Теряна. В лирике Теряна природа выступает не как самостоятельная единица, а в субъективизированном виде, как иллюстрация его настроений. А некоторая монотонность его поэзии компенсируется сугубым вниманием к стиху, его тонкой отделкой.

И на самом деле, произведения Теряна отличаются поразительной певучестью и музыкальностью. В истории армянского стиха поэзия Теряна является одной из блестящих страниц. Но она—страница также в истории армянского литературного языка. Стилистический идеал Теряна, который виртуозно осуществлен им, это—чистота языка, филологическая точность в употреблении слова, глубокое уважение к нему.

Во всем этом, несомненно, сказывается благотворное влияние символизма—преимущественно русского и французского. Что же касается самого содержания поэзии Теряна, то оно носит вполне независимый характер. Может быть, его мотивы и не новы, но они обрабатываются совершенно самостоятельно.

Поэзия Теряна, в первый период ее развития, несомненно, отражает те минорные настроения, которые были популярны среди интеллигенции после неудач первой русской революции. Но не говоря о том, что даже в это время Терян иной раз где-то вдаль видел восход солнца,—подъем революционной волны в 10-ых годах опре-

деленно сказался на его поэзии, и—ни на йоту не отступив от своих формальных достижений — Терян начал уверенными шагами приближаться к реализму, к традициям своих старших братьев—Туманяна и Исаакяна.

Из глубокой мглы—виденье сквозит:
Страна Наири в печали своей—

отныне страна Наири, т. е. Армения, и его печаль—основные мотивы творчества Теряна. Все то богатство слов и тончайших переживаний, которые были накоплены им в период духовного своего одиночества, вся та нежность, с которой он относился к своему единственному другу, к своей мечте, всю свою грусть, печаль, умиление — все это Терян ныне переносит на свою родину, во время империалистической войны еще раз ставшей жертвой истории:

Как не любить тебя, родная, бедная?
В скорби покорной страна опаленная,
Снова мечам остроблещущим преданная,
Ты—богородица, семь раз пронзенная!

Поэт безгранично озабочен судьбой своей родины. Назвав Армению ее древним халдским именем Наири, он романтически сплетает реальное существование со сказкой, настоящее с давно прошедшим, как бы превратившимся в сновидение, чтобы тем нежнее ее лелеять, тем глубже ее любить, тем с большей страстью и большим жаром воспевать ее, как некогда он воспевал сказочную свою деву. В одном из своих замечательных стихотворений Терян, используя армянский фольклор, рассказывает, как он дошел до Индии и Китая, увидел огненную дверь рая, увидел черных, как смола, русалок с лучистыми глазами, добрался до истоков солнца—но все это для поэта дым и мираж: нет ничего для него слаще имени родины, нет более пленительной грезы, чем родина.

Терян воспевает Армению жертвенную, поникшую, может быть, и величавую, но скромную. Однакож, в цикле стихотворений „Страна Наири“ Армения не только страна скорби: в сознании поэта она постепенно превращается в страну радости—

И там, где северно и сумрачно от холода,
Наирский день блеснул в душе, как солнце, ал,
И в сердце—роза, сердце огненно и молодо,
Оно горит и мне велит, чтоб не молчал.

В „Газелле ликования“, посвященной Степану Шаумяну, эта радость уже претворяется в мужественный энтузиазм, восторг:

Сердце, чья кровь веет огнем,—горящим храни!
Радость, любовь, щит золотой—горящим храни!

Мира поправ злобную тьму—горящим храни!
Стяг, что кровав раной живой,—горящим храни!

В этой газелле Терян использует ашугов. Нам известно, как он использовал фольклор. Народное, реальное чем дальше, тем больше захватывает его. Его чистая любовь к родине, нежное ее воспевание—самое тонкое и в словесном отношении безукоризненное, что дала нам армянская поэзия. Дни великого народного гнева, дни революции отразились в творчестве Теряна лишь несколькими яркими штрихами—смерть подоспела к нему раньше, чем он успел переступить порог третьего периода своего творчества, периода революционно-реалистического.

Если Туманян и Исаакян, основываясь на фольклоре и прекрасном знании народной жизни, в своих художественных образах раскрыли жизнь и духовный облик армянского народа, если Терян, воспевая родину, своим филигранным словом выявил богатство, эластичность и музыкальность армянского языка, то Акоп Акопян был тем поэтом, который обновил и на новой почве развил традиции политической поэзии Налбандяна.

В том самом году, когда в далеком Камышине умирал от туберкулеза Микаел Налбандян, в этом, именно в 1866 году, на родине Низами Ганджеви, в Ганже, ныне Кировабад, родился Акоп Акопян.

Акоп Акопян учился в ганжинской гимназии, жил и работал в Баку и Тбилиси. Революция застала его бухгалтером в одном из банков Тбилиси, где он, по установлении советской власти, стал комиссаром. Писать Акоп Акопян начал с 90-ых годов. В дни первой революции он вступил в ряды большевистской партии и в течение более чем тридцати лет как в практической, так и поэтической своей деятельности высоко держал партийное знамя. Закавказская жандармерия усиленно преследовала революционного поэта—и не раз ему приходилось сидеть в тюрьмах Баку и Тбилиси. Акоп Акопян умер в 1937 году.

В первом номере армянской большевистской газеты „Кайц“ (Искра) от 1-го апреля 1906 г. Степан Шаумян писал: „Наш орган должен быть устами армянского рабочего класса—этого одного из маленьких неотделимых отрядов всемирной пролетарской армии. Он должен быть защитником и выразителем великого международного идеала пролетариата. Он должен быть товарищем и учителем порабощенных буржуазно-националистической идеологией и от этого рабства ныне освобождающихся армянских рабочих“.

Такими устами, таким другом и учителем армянских рабочих и оказался в области поэтического слова Акоп Акопян.

В 1902 году Акоп Акопян пишет свое стихотворение „Призыв толпы“, где он, отказываясь от субъективной лирики, говорит, что „песня, лелеющая и воспевающая скорбь, стала надоедливой“, и призывает поэта гневно заклеить насилие власть имущего.

Накануне революции, в 1904 году он пишет стихотворение „Кочегар“, где воспевают авангард революции, рабочий класс и его тяжелый труд.

В дни революции, 17-го октября 1905 года, как ответ на манифест царя Акоп Акопян пишет свое известное стихотворение „Еще удар!“, где он призывает рабочий класс неустанно бороться против царского деспотизма, сокрушить самодержавную власть:

Царь о пощаде молит нас?
Не стать бы жертвой нам сейчас.
Построимся плечо в плечо,
Удар еще, удар еще,

Еще удар, чтоб трон царя
Стал прахом и взошла заря.

Это стихотворение, отдельно напечатанное в тысячах экземплярах, было распространено в рабочей среде и нашло там самый живой отклик. Акоп Акопян был поэтом и одновременно агитатором. Он был первым переводчиком революционных песен на армянский язык и одним из первых их исполнителей.

Одно из наилучших произведений Акопа Акопяна—стихотворение „Революция“, написанное в годы революции. Этим стихотворением Акоп Акопян показал, как можно в поэзии политический мотив сочетать с образностью, энтузиазмом и мощным словом. За громом на море,—говорит поэт,—следует тихий шопот волн, за грозой—ясное солнышко, за воплем роженицы—радостная улыбка, а за бурей революции—свобода:

Товарищ! Запомни! Победа—в движении.
Свобода—дитя. Революция—мать.
Товарищ, клянись мне в часы искушенья
Грудью,
Грудью ее защищать!

Настали эти „часы искушенья“, годы реакции. Интеллигенция густой массой покидала ряды бойцов революции. Начался разгул национализма, индивидуализма, мистики. Акоп Акопян продолжал неуклонно стоять на своем посту. В замечательном по своему напряжению стихотворении „Страж“ выявляется вся несокрушимость его воли, стальная твердость его решения—до конца, до последнего мига остаться на своем посту.

Гражданская лирика Акопа Акопяна отличается не только своей силой, живостью и ясностью, но также эмоциональной напряженностью. Наилучшим примером может послужить его прекрасное стихотворение „Умерли, но не пропали“:

Какие герои—товарищи пали,
Умерли, но не пропали!..

Гневный огонь полыхал в глазах,
Молния билась в устах...

Дореволюционным своим творчеством Акоп Акопян внес новую тематику в армянскую литературу: в его стихотворениях воспевается борьба и светлое будущее, в них отражается миропонимание рабочего класса. После революции, в своих поэмах „Ширканал“, „Волховстрой“ и т. д. Акоп Акопян воспевает созидательный социалистический труд.

Но Акоп Акопян не только поэт, для творчества которого характерны политический пафос и партийность. Он является также практическим работником. Он принял самое деятельное участие в дореволюционной партийной и рабочей печати, не говоря уж о советской печати, в органах которой он поместил десятки статей на самые актуальные, преимущественно литературные темы.

Одной из светлых страниц литературной деятельности Акопа Акопяна является издание им в 1914 г. художественных сборников „Красные гвоздики“ (два номера) и „Альбом рабочего“, где были помещены произведения почти всех армянских пролетарских писателей того времени—Арази, Варданяна и др.

Наконец, Акоп Акопян был одним из первых, призывавших рабочий класс создать из собственной среды новый, свежий кадр писателей, журналистов, корреспондентов. В 1917 г. в первом номере газеты „Пайкар“ (Борьба), основываясь на практике „Правды“ и „Луча“, — Акоп Акопян советовал рабочим... „разукрасить столбцы „Пайкара“ статьями, тема которых взята из окружающей их действительности, письмами, даже беллетристическими вещами и стихами“.

Таков Акоп Акопян. Он поэт, но одновременно—агитатор и пропагандист, журналист и редактор. Он законченный тип писателя-коммуниста. Для его жизни и творчества самыми характерными чертами остаются последовательность, принципиальность, монолитность, пламенная вера в созидательную силу коммунизма. Акоп Акопян крупное, оригинальное и, пожалуй, единственное в своем роде явление не только в армянской литературе но и в литературе всех братских народов СССР.

Творчеством Акопа Акопяна завершается досоветская армянская поэзия и начинается советский период ее развития.